

Посвящается Даррену и Мокс

Какие бы прорывы ни привели меня на этот путь, я вновь прошла бы по нему от начала до конца и моя вечная благодарность Лори Косето. Без вас я не выдержала бы сложностей этого пути.

Глава 1

Рынок Пайк-плейс и в обычный день служит приманкой для туристов. А если к этому добавляются солнечные выходные — практически нереальные в декабре — и необходимость запоздалых покупок рождественских подарков, то вам светит провести субботу на этих девяти акрах Сиэтла в жутко оживленной и суетливой толпе.

Курточка Себастиана уже лежала в одной из сумок Марин, но мальчику все равно было жарко. Его вспотевшая ручка выскальзывала из ее руки всякий раз, когда он слишком сильно дергался, пытаясь утащить маму в самом желанном направлении.

— Мамочка, мне же так хочется леденец на палочке, — второй раз, уже с надрывом, заявил Себастиан.

Он устал и начинал капризничать, но на самом деле ему уже просто хотелось спать. Однако Марин не купила последний подарок. Она гордилась тем, что делала продуманные подарки, но ее четырехлетнего сына это совершенно не волновало: Себастиан верил, что подарки приносит Санта, поэтому сейчас его интересовали только сладости.

— Бэшик, пожалуйста, еще пять минут, — раздраженно ответила Марин, — и тогда мы пойдем за твоей конфетой. Но ты должен потерпеть. Договорились?

Условие было честным, и малыш перестал хныкать. На этом рынке имелась одна лавочка, неприлично изысканная и французская. В ее витрине, на бирюзовом фоне в стиле ювелирного дома «Тиффани», поблескивало претенциозное название, выписанное витиеватым золотым курсивом: «*La Douceur Parisienne*»¹. Там делали всевозможные сладости, но прославилась она своими «кустарными кремовыми трюфелями ручной работы». Себастиан же мечтал о большом леденце в виде радужной спирали, стоимшем пять долларов.

Целых пять долларов за леденец. Марин прекрасно понимала безумную дороговизну такого угощения. В защиту Себастиана можно сказать, что он даже не знал бы о существовании подобной роскоши, если б она сама, в свое время, не затащила его в эту кондитерскую за шоколадом с чертовски восхитительным, честно говоря, вкусом: надо же время от времени баловать сына. Тем более что в «*La Douceur Parisienne*» все делалось на основе натурального тростникового сахара и местного меда. Дерек не воспринимал подобные капризы своей жены, считая, что Марин просто пыталась оправдать превращение их малыша в такого же надменного гурмана, как и она.

Однако сейчас Дерек наслаждался пивом в спортивном пабе где-то на Первой авеню, глядя футбольный матч и болея за «Хаскиз»², пока Марин делала последние предпраздничные покупки.

Ее карман завибрировал. Из-за рыночного шума Марин не услышала звонка смартфона, зато почув-

¹ «Парижские сладости» (фр.).

² «Вашингтон хаскиз» — команда Вашингтонского университета в студенческом американском футболе.

ствовала его вибрацию и, выпустив руку сына, достала аппарат. Может, звонил Дерек, сообщить, что игра закончилась? Она глянула на экран. Нет, звонил не муж. Меньше всего ей сейчас хотелось заниматься болтовней, но звонил Сэл. Ему нельзя не ответить.

— Бэшик, стой рядом, — велела она Себастиану. — Привет.

Зажав телефон между плечом и ухом, Марин подумала, что хорошо бы иметь беспроводные наушники, однако тут же вспомнила, что не хочет уподобляться придурочным мамашам, которые их используют.

— Все в порядке? Как мамино самочувствие? — Она вновь взяла сына за руку, слушая рассказ своего старого друга о суматошном утре: мать Сэла восстанавливалась после операции по протезированию тазобедренного сустава. Кто-то врезался в нее, сбив с плеча ремни сумок. Марин возмущенно оглянулась на спины удалявшихся без извинений прохожих. Беспардонные, оголтелые туристы.

— Мамочка, хватит болтать, — Себастиан, опять хныкая, подергал ее за руку. — Ты же обещала мне леденец. Большой. С радугой.

— Бэшик, что я говорила? Тебе придется немного потерпеть. Сначала нам надо закончить другие дела. — И, возвращаясь к телефонному разговору, добавила: — Сэл, извини, можно я перезвоню тебе немного позже? Мы сейчас на рынке в безумной толпе.

Она сунула телефон обратно в карман и еще разок напомнила Себастиану об уговоре. Понятие *уговор* появилось в их общении сравнительно недавно, когда мальчик начал капризничать, отказываясь купаться. «Если ты искупаешься, то мы подольше почитаем перед сном», — говорила Марин, и этот уговор действо-

вал просто чудесно, так как от него выигрывали оба. Время купания проходило более гладко, а после, ощущая на своей щеке душистые локоны сына, она с удовольствием читала ему свои любимые детские сказки. Сначала историю о «Любопытном Джордже»¹, а потом «Спокойной ночи, Луна»² — всегда в такой последовательности. Марин обожала их вечерний ритуал и страшилась того дня, когда ее объятия будут отвергнуты, а сын предпочтет читать свои вечерние книжки самостоятельно.

Но сейчас Себастиан замолчал, поскольку она напомнила, что он может не получить леденец, если опять начнет хныкать.

Марин и сама чувствовала себя усталой и взвинченной. К тому же давно проголодалась и отчаянно хотела взбодриться кофейком. Но сладости — и, увы, кофе — подождут. Они договорились встретиться с Дерекком в старейшем в мире «Старбаксе», как раз рядом с магазином парижских сладостей, но никто из них не получит желаемого, пока не будет сделана последняя покупка.

Последний подарок был для Сэйди, менеджера городских салонов Марин. Она находилась на шестом месяце беременности и уже намекала, что, возможно, ей придется бросить работу и заделаться домохозяйкой. Уважая выбор любой женщины, решившей всецело посвятить себя семье, Марин, однако, очень не хотела бы потерять такую ценную сотрудницу. Сэйди как-то упомянула, что видела замечательное первое издание Беа-

¹ Обезьянка, герой серии приключений под названием «Любопытный Джордж», написанных Х.А. и М. Рей.

² «Спокойной ночи, Луна» — известная детская книжка авторства М. Уайз-Браун.

трис Поттер «Повесть о кролике Бенджамине Банни» в винтажном книжном на нижнем уровне этого рыночного комплекса. Уже десять лет она прекрасно трудилась в салонах Марин и, разумеется, заслужила особенный подарок, который, возможно, напомнит Сэйди, как сильно она любит своего босса — и свою работу, — и тогда предпочтет вернуться к работе после декретного отпуска.

Себастиан снова начал вырываться, но Марин, крепко держа сына за руку, подтолкнула его ко входу в книжную лавку, где с облегчением узнала, что у них все еще есть то самое первое издание Поттер. Расплачиваясь, умудрилась добавить к подарку еще пару книжек про черепашонка Франклина. Они уже вновь поднимались на верхний уровень, когда ее телефон вновь завибрировал.

Игра закончилась, — написал Дерек. Слава богу — ейгодились бы лишние руки. — Направляюсь в вашу сторону. Где вы сейчас?

Она почувствовала, как из ее руки выскользнула вспотевшая ручка Себастиана. Ладно; ей все равно нужны обе руки для отправки сообщения. В любом случае, ее малыш рядом и не отстает от нее в кои-то веки, ведь они уже быстро шли по улице в сторону кондитерского магазина. Обещание есть обещание, хотя Марин признавала, что мысль о шоколадном малиновом трюфеле таяла у нее во рту, облегчая выполнение их уговора.

Направляемся в нашу модную кондитерскую. Потом — в «Старбакс». Тебе купить что-нибудь?

Тако. Я умираю с голодухи. Встретимся лучше около закусочных фургонов.

Марин скривилась. Ее не привлекали закуски из мексиканских фургонов и вообще любой уличный фастфуд. Она даже траванулась, когда последний раз съела там тортилью с начинкой.

Но биено¹. Почему бы нам не заскочить по дороге домой в «Феникс» и не взять пару сэндвичей со свиной? Там хоть мясо приличное.

Жрать жутко хочется. Надо подкрепиться чем-то прямо СЕЙЧАС. И, детка, если будешь паинькой, то вечером я устрою тебе чудесное плотское угощение.

Она закатила глаза. Кое-кто из ее подруг жаловался, что их мужья перестали с ними флиртовать. Дерек же продолжал заигрывать постоянно.

Ладно. Ешь свой жирный тако, но помни, чревоугодник, что ты мой должник.

Вот и славно, потому что я уже стою в очереди, — его ответ сопровождался подмигивающей эмодзи. — Встретимся через несколько минут. Я принесу Бэшу чурро².

Марин собиралась наложить вето на этот жареный десерт, когда вдруг осознала, что плечо Себастиана больше не прижимается к ее ноге. Оторвав взгляд от

¹ Вовсе не лучше (исп.).

² Ч у р р о — колечко из теста, обжаренное во фритюре.

смартфона, она поправила вдруг потяжелевшие сумки. Вновь опустила глаза и оглянулась вокруг.

— Бэшик? Себастиан?

Сына поблизости не оказалось. Марин резко остановилась, и кто-то мгновенно врезался ей в спину.

— Терпеть не могу, когда вот так внезапно тормозят, — проворчал парень своему спутнику, обходя ее с выразительным недовольным пыхтением.

Но Марин ничего не слышала. Охваченная смятением, она осознала, что ее мальчика нигде не видно. Вытянув шею, вглядывалась в толпу сновавших по рынку горожан и туристов. Себастиан не мог уйти далеко. Ее взгляд метался туда-сюда, ища малыша с темными, так похожими на ее собственные, волосами. Она искала коричнево-белый свитер с оленем, связанный ему в подарок давней клиенткой салона. Себастиану так понравился этот свитер, что всю прошедшую неделю он носил его практически ежедневно. И выглядел в нем совершенно очаровательно.

Но она нигде не нашла его. Ни свитера с оленьей мордочкой. Ни Себастиана.

Перегруженная своими сумками, набитыми их куртками и покупками, Марин металась по рынку. В отчаянии проталкиваясь через толпу, она продолжала выкрикивать имя сына:

— Себастиан! Себастиан!

Окружающие начали замечать ее безумные метания, но большинство продолжали спешить по своим делам, лишь мельком глянув в ее сторону. Марин едва слышала собственный голос. Толпа вынесла ее к прилавку с морепродуктами, где три рыбака в испачканных кровью комбинезонах сновали туда-сюда, наслаждаясь взглядами зрителей, собравшихся посмотреть, как

по-спортивному ловко они перебрасывались свежим лососем.

— Себастиан! — Марин пребывала в жуткой панике. В ее руке завибрировал смартфон. Очередное послание от Дерека: он уже заказывал тако в фургоне и захотел напоследок узнать, не хочется ли ей все-таки какой-то закуски. Его сообщение безумно взбесило ее. Не нужно ей никаких чертовых закусок, ей нужно найти сына!

— *Себастиан!*

Смятение переросло в истерику, и Марин не сомневалась, что выглядела как сумасшедшая, поскольку окружающие начали поглядывать на нее со страхом и озабоченностью.

К ней подошла пожилая женщина, чьи серебристые волосы поблескивали в аккуратной уложенной прическе.

— Мэм, могу я вам помочь? Вы потеряли ребенка?

— Да, ему четыре года, он вот такого роста, с каштановыми волосами и в свитере с оленем, его зовут Себастиан, — протараторила Марин на одном дыхании, осознавая, что ей нужно успокоиться и перевести дух, потому что истерикой тут уж точно не поможешь. Да и, наверное, вообще глупо паниковать. Ведь они находились на модном рынке, посреди туристического комплекса, где полно охраны. К тому же приближалось Рождество, и никто, естественно, не стал бы уводить ребенка на пороге Рождества. Себастиан просто немного заблудился, и через минуту-другую кто-нибудь приведет его к ней, а она, глуповато пролепетав «спасибо», неистово обнимет своего ребенка. А потом, склонившись к нему, прочтет строгую нотацию, напомнив, что «он должен всегда оставаться

там, где может ее видеть, потому что если он не может видеть ее, то она не может видеть его», — и его круглое личико сморщится от подступивших слез, потому что он всегда, независимо от причины, расстраивался, когда расстраивалась она. Потом она расцелует его и объяснит, почему в общественных местах ему всегда надо оставаться рядом с ней, ведь это важно для его же безопасности. Она снова успокоит его, убедив, что теперь все будет в порядке, и они опять обнимутся и поцелуются, и, конечно же, он получит обещанный леденец. А потом, уже вечером, в их уютном доме, уложив Себастиана спать, Марин расскажет Дереку всю эту ужасную историю, как она испугалась — как безумно перепугалась — в те несколько минут, когда не знала, куда подевался их сын. И тогда настанет очередь мужа успокаивать ее, и он напомнит ей, что все, слава богу, закончилось хорошо.

Да, все будет хорошо. Ведь они найдут его. Разумеется, найдут.

Марин набрала номер Дерекы и, как только муж ответил, выпалила:

— Себастиан пропал. — Ее голос звучал в три раз громче и на пол-октавы выше, чем обычно. — Я потеряла его.

Дерек знал, как она обычно разговаривает, и мгновенно понял, что Марин не шутит.

— Что-что?

— Я не могу найти Себастиана!

— Где ты сейчас? — спросил он, и Марин, оглянувшись, осознала лишь, что все еще топталась возле рыбных прилавков. Но теперь она стояла около главного входа под горящей неоновым вывеской «Общественный рынок».